

ТАЙЛЕР НОВАК

СТРЕЛКИ ВНУТРЬ

повесть

Tyler Nowak

Стрелки внутрь

«Автор»

2026

Nowak T.

Стрелки внутрь / Т. Nowak — «Автор», 2026

Стрелки внутрь — космический хоррор о геологической экспедиции в районе Тарханки, архивных материалах библиотеки имени Пушкина и знаке, который люди начинают рисовать сами, не понимая зачем. В полевых дневниках, шлифах и старых картах постепенно проступает невозможная правда: под камнем скрыто не древнее ископаемое, а след того, что существовало задолго до людей, гор и привычного неба. Чем ближе герой подходит к разгадке, тем яснее становится: разлом ничего не выпускает наружу. Он собирает всё внутрь.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
От составителя	6
Историческая справка	7
1. Согра	9
2. Тарханский участок	11
3. Бобровская папка	13
4. Шлиф	15
5. Весёлое	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Tyler Nowak

Стрелки внутрь

Глава 1

От составителя

Я не называю эту рукопись найденной.

Слово "найденная" слишком удобно. Оно делает историю похожей на приключение, на удачу, на книжный приём, которым автор заранее просит читателя верить ему немного больше обычного. На самом деле я не нашёл эти материалы. Я за ними пришёл.

Пришёл в библиотеку имени Пушкина в Усть-Каменогорске, где на втором этаже, за спокойными дверями краеведческого фонда, хранятся вещи куда более тревожные, чем принято думать о библиотечных вещах. Там нет ни пыточных инструментов, ни черепов, ни оккультных витрин. Там лежат папки. Справки. Отчёты. Тетради в клеённых обложках. Фотографии с белыми зубчатыми краями. То есть именно то, что переживает людей легче всего.

Мой дед, Николай Андреевич Ерёмин, всю жизнь числился в семье человеком не то чтобы плохим, а как бы опасным для разговора. Его имя произносили тише других. Не потому, что он кого-то убил или предал. Он просто вернулся из одной геологической экспедиции не целиком.

Мне было двенадцать, когда бабушка впервые сказала: "Твой дед землю слушал, пока земля не ответила". Сказала и перекрестилась так быстро, будто поймала себя на неприличии. Тогда я решил, что это деревенская фраза, суеверная и красивая. Позже я узнал, что дед был не из тех, кто слушает землю. Он измерял её. Снимал азимуты. Чертил профили. Спорил о падении пластов. Писал отчёты настолько сухие, что в них и смерть выглядела бы производственным отклонением.

Папку мне выдали не сразу. Сначала проверили заявление, потом паспорт, потом долго искали разрешение заведующей. Женщина за стойкой, пожилая, тонкая, с усталым лицом человека, который за много лет научился понимать читателей раньше, чем они сами понимают себя, спросила:

- Вы родственник?

- Внук.

Она не стала уточнять. Только поставила подпись и сказала:

- Тогда читайте здесь. Домой это не выдаётся.

На серой картонной обложке было написано:

Дело Т 17. Тарханский участок. Полевые материалы. 1978-1979.

Ниже, другим карандашом, почти стёртым:

Ерёмин Н. А. Личные тетради. Не выдавать без разрешения.

На первом листе не было ничего страшного. Именно это, возможно, и было самым страшным.

Историческая справка

Усть-Каменогорск начался не как город, а как намерение. Камень, вода, граница, металл. В 1720 году здесь, у слияния Иртыша и Ульбы, была заложена крепость. В старых описаниях это место всегда звучит торжественно: реки, горы, государев указ, разведка золота, верховья Иртыша, степь и каменные отроги. Но если читать между строк, там есть и другое: тревога перед огромным пространством, которое не хотело быть измеренным.

Вода сходилась с водой. Люди ставили валы, складывали брёвна, считали припасы, спорили о дорогах, смотрели на горы. Горы молчали. Они всегда умеют молчать так, будто знают о времени больше, чем им положено.

Позже этот край назовут рудным, промышленным, перспективным, богатым. На картах появятся дороги, посёлки, линии электропередач, станции, шахты, садовые участки, базы отдыха. В отчётах появятся слова, которые способны успокаивать даже там, где не должны: полиметаллические руды, строительные материалы, разведанные запасы, горно-таёжная местность, притоки Иртыша, Ульба, Уба, Ульбинский хребет.

Слова создают ощущение порядка.

Но порядок в геологии всегда временный. Любая карта - это не правда, а договор с тем, что пока не обнажилось. Любой разрез - только узкая, уверенная линия, проведённая человеческой рукой через вещество, которое не обязано помнить человека.

В середине двадцатого века геологи научились приезжать в такие места почти буднично. Экспедиционные машины, палатки, керновые ящики, теодолиты, магнитометры, записные книжки, спирт, хлеб, тушёнка, отбитые кружки. Они говорили грубо и точно, потому что в поле нет смысла говорить иначе. "Падение семьдесят на северо-восток". "Хлоритизация слабая". "Жила кварца до трёх сантиметров". "Катаклазит свежий". "Не пиши ерунду в журнал".

Так они и ехали: из города к Согре, дальше к Ульбе, к Тарханке, Винному, Весёлому, Топихе. Места эти звучат почти домашне. Винное, Весёлое - названия с человеческим привкусом, будто кто-то пытался заранее обезвредить ландшафт, сделать его добрым. Но любой местный знает: хорошие названия не делают место безопасным. Они только помогают жить рядом.

О Согре в старых разговорах часто говорили как о примыкании. Там сходились дороги, линии памяти, чужие и свои рассказы. Оттуда удобно начинать путь: город ещё близко, но уже чувствуется, что за спиной остаётся привычная мера вещей. За Ульбой воздух меняется. Он становится сырее, тяжелее, будто в нём больше каменной пыли, чем положено воздуху.

Тарханка на карте выглядела простой точкой. Административный центр сельского округа. Рядом Винное, Весёлое, Топиха, Новая Ульба, Горная Ульбинка. Если смотреть глазами человека, которому нужно только доехать, это был обычный маршрут. Если смотреть глазами геолога, это был участок, где поверхность слишком много раз пыталась сложиться заново.

В семейных разговорах дедова экспедиция называлась просто: "та поездка". Без уточнений. Словно существовала только одна поездка, после которой человек перестаёт быть прежним.

В официальной описи дело Т 17 значилось как "полевые материалы, не представляющие самостоятельной научной ценности".

Эта фраза повторялась в нескольких местах. Будто кто-то очень хотел, чтобы ей поверили.

Край, который привык к глубине

Есть места, где поверхность никогда не кажется окончательной. Восточный Казахстан из таких. Здесь даже обычная дорога умеет намекать, что под ней не просто грунт, а сложная, сжатая, многократно переломанная память земли. Человек едет мимо домов, огородов, старых

заборов, остановок, линий электропередачи, а рядом с ним всё время идёт другая карта: рудные поля, жилы, древние моря, поднятия, разломы, зоны дробления, погребённые давления.

Я родился слишком поздно, чтобы видеть романтику советских геологических партий живой. Для меня она уже была набором предметов из чужих шкафов: алюминиевая фляга, выцветший рюкзак, молоток с потемневшей рукояткой, коробка образцов, которые в детстве казались просто красивыми камнями. Но дедово поколение ещё верило, что землю можно прочитать. Не покорить - это слово больше подходит чиновникам и газетам. Именно прочитать. Найти в её слоях логику, в трещинах - направление, в руде - историю.

Геолог в этом смысле похож на следователя, только его свидетель почти всегда мёртв или настолько стар, что человеческое "давно" рядом с ним звучит смешно. Камень не врёт, но и не говорит. Его нужно заставлять отвечать формой скола, цветом порошка, реакцией на кислоту, положением зерна в шлифе, слабым отклонением стрелки прибора. Это ремесло терпения. Поэтому настоящие геологи редко похожи на искателей приключений. Чаще они похожи на людей, которые очень давно спорят с молчанием и не уверены, что побеждают.

В деле Т 17 это чувствовалось особенно. Сначала всё держалось именно на ремесле. Дед не писал "жуткое место". Он писал "локальная зона дробления". Не "камень тянет к себе". Он писал "ориентация структурных элементов требует проверки". Не "люди сходят с ума". Он писал "наблюдаются сходные психофизиологические реакции".

Чем аккуратнее была формулировка, тем страшнее становилось за ней.

Потому что аккуратность - это последняя одежда рассудка.

Перед экспедицией Ерёмин несколько дней работал в городских фондах. В папке сохранился список просмотренных материалов: старые топографические основы, отчёты по строительному камню, сведения о полиметаллических проявлениях, заметки о просадках, обрывы каких-то ведомостей по сельским округам. Рядом с названиями населённых пунктов он ставил галочки. Тарханка. Винное. Весёлое. Топиха. Новая Ульба. Горная Ульбинка. Бобровка отдельно, с вопросительным знаком.

На одном листе он написал:

"Названия спокойные. Геология беспокойная".

Я долго смотрел на эту фразу. В ней было всё, что мне теперь нужно для рассказа. Спокойные названия не отменяют глубины. Винное может стоять над страхом. Весёлое - рядом с местом, где человек перестаёт смеяться. Топиха - быть точкой, после которой сухой отчёт начинает смотреть в бездну.

Дед этого ещё не знал.

Или уже знал, но называл знание подготовкой.

1. Согра

В первой тетради Ерёмин писал ровно, мелко, с аккуратностью, раздражавшей меня ещё до того, как я начал понимать смысл записей. Почерк был не стариковский, не дрожащий. Каждая буква стояла на строке твёрдо, будто была прибита.

12 июня 1978 года.

Выезд задержан на сорок минут. Водитель Каюмов ругался с завхозом из-за бензина. Жуков утверждает, что магнитометр снова повезли без штатного крепления. Савельева проверила ящики под пробы, недостача двух мешков. Погода ясная. Давление 746 мм. Ветер слабый.

Ниже, после пустой строки:

Маршрут: Согра - Ульба - Тарханка - Винное - Весёлое - Топиха. Цель: уточнение характера локальной зоны дробления и отбор образцов для шлифов.

Я перечитал эту запись несколько раз. В ней не было ничего, кроме начала командировки. Но именно будничность держала крепче всяких проклятий.

Вторая запись начиналась с диалога, что для деда было необычно. В отчётах он почти никогда не передавал речь.

- Коля, если опять полезем в старый отвал, я тебе магнитометр в Ульбу утоплю, - сказал Жуков.

- Сначала научись его включать, - ответила Савельева.

- Я его включаю. Это он думает.

- Приборы не думают.

- Тогда он молится.

Ерёмин сделал пометку на полях: "Жуков заметно нервничает. Списать на дорогу".

Эту фразу потом он будет повторять в разных вариантах. Списать на дорогу. Списать на усталость. Списать на магнитные помехи. Списать на плохой сон. Вся первая половина дела Т 17 состояла из попыток списать происходящее на что угодно, лишь бы не назвать его происходящим.

Из Согры они выехали после обеда. В машине было пятеро: Ерёмин, начальник маленькой партии; Лидия Савельева, петрограф, женщина с резким лицом и неласковыми глазами; Григорий Жуков, геофизик, балагур и пьяница по чужим словам, но не по собственным записям; водитель Каюмов, который в документах проходил как "А. К.", и лаборант-практикант Серёжа Мальцев, студент второго курса, взятый "для рук".

Фотография, вложенная в тетрадь, показывала их возле УАЗа. Пыльная машина, открытая дверца, за спиной светлая полоса дороги. Жуков улыбался широко, слишком широко для человека в поле. Савельева отвернулась. Мальцев щурился от солнца. Каюмов стоял боком, будто собирался выйти из кадра.

Дед смотрел прямо в объектив. В его лице ещё не было безумия. Это важно. Люди любят думать, что безумие приходит изнутри, медленно, как болезнь характера. Но на этой фотографии он был нормален. Устал, собран, немного раздражён. Человек, которому поручили работу и который собирается её сделать.

На обороте было написано: "Согра, перед выездом. Л. С. сказала, что солнце сегодня не там".

Я не сразу понял, что значит "не там".

В журнале Мальцева, который лежал в той же папке, эта фраза была записана подробнее:

Савельева сказала: "Свет падает не с той стороны". Жуков засмеялся. Н. А. посмотрел на компас, ничего не сказал.

Мальцев писал крупно, почти школьно. В его тетради было много лишнего: что ели, кто храпел, как Каюмов рассказывал анекдоты, как вечером на Ульбе туман пошёл по воде "как молоко из треснувшей банки". Эти лишние вещи оказались самыми живыми.

Первую ночь они провели недалеко от реки. По плану утром нужно было подняться к старому выходу пород, который местные называли то Осенькой горой, то просто Осенькой. На новых картах название отсутствовало или было сдвинуто. На одной из копий дед рукой написал: "проверить у жителей".

В той же строке, почти незаметно, он нарисовал маленький круг.

От круга к центру шли четыре стрелки.

2. Тарханский участок

Утром всё началось с ошибки, которая не была ошибкой.

Они вышли к нужному месту на сорок минут раньше расчёта. Для полевой работы это не чудо и не знак. Дорога могла оказаться суше, подъём проще, карта старше, чем предполагалось. Ерёмин так и записал: "расхождение по времени несущественное".

Но Жукову это не понравилось.

- Мы шли в гору, - сказал он. - С грузом. По мокрой траве. Как мы могли прийти раньше?

- Ты хочешь пожаловаться? - спросила Савельева.

- Я хочу понять.

- Тогда не начинай с мистики.

- Лида, мистику я начинаю, когда у меня компас север ищет как пьяный проходную.

Ерёмин поставил прибор на плоский камень. Стрелка успокоилась, потом сделала короткое движение, будто её дёрнули изнутри, и снова замерла. В отчёте это будет названо "локальной магнитной неоднородностью". В тетради Мальцева - "компас кашлянул".

Выход пород был невысокий, заросший травой и молодыми берёзами. Обычный склон, каких в Восточном Казахстане тысячи. Серый камень, ржавые пятна окислов, тонкие прожилки кварца, следы старых сколов. Ерёмин отметил брекчированную зону шириной около полутора метров. Савельева сразу взяла молоток.

- Брекчия? - спросил Мальцев.

- А ты что видишь?

- Ну... обломки сцементированы.

- Значит, брекчия. Только не радуйся. Радоваться будем, когда поймём чем.

Каюмов остался у машины. Он не любил подниматься без нужды и говорил, что геологи отличаются от нормальных людей тем, что видят гору и сразу хотят от неё кусок. В одиннадцать тридцать он принёс термос и сказал, что у машины на пыли кто-то рисовал.

- Кто? - спросил Ерёмин.

- Вот я у вас и спрашиваю.

На капоте УАЗа, покрытом жёлтой дорожной пылью, пальцем был выведен круг. Неровный, широкий, будто рисовал не один человек, а несколько, поправляя друг друга. К центру шли стрелки.

- Серёжа? - спросила Савельева.

Мальцев покраснел.

- Я не рисовал.

- А кто?

- Не знаю.

Жуков посмотрел на знак и вдруг очень тихо сказал:

- Это не так рисуют.

- Что?

- Ничего.

Ерёмин стёр знак рукавом. В тетради он записал: "На машине обнаружен рисунок неизвестного происхождения. Значения не придавать". Последние три слова были подчёркнуты.

Образец Т 1 выглядел обычным. Образец Т 2 - тоже. В Т 3 Савельева заметила тёмные включения, мелкие, неправильные, матовые, без металлического блеска. На свежем сколе они не отражали свет. Не поглощали - именно не отвечали на него.

- Сульфиды? - спросил Жуков.

- Не похоже, - сказала Савельева.

- Углистое?

- Здесь?

- Я спросил.

- На углистое тоже не похоже.

Ерёмин взял лупу. Включения сидели в породе не как зёрна, не как прожилки и не как пустоты. Вокруг каждого мелкие минералы были чуть повернуты к центру, будто росли не по законам кристаллизации, а по какой-то другой, тихой команде.

- Пиши: тёмные минеральные включения неустановленного состава, - сказал он Мальцеву.

- Минеральные? - переспросила Савельева.

- А как ты предлагаешь?

Она не ответила.

На обед они спустились молча. Каюмов сварил чай, Жуков ел хлеб с консервами и смотрел на свои руки. Мальцев записал в дневнике: "Все злые. Н. А. сказал, что участок интересный. По-моему, он сказал это так, будто участок болен".

Вечером в палатке Ерёмин перерисовал схему выхода. Аккуратно показал зону дробления, кварцевые прожилки, места отбора проб. В правом нижнем углу, где обычно ставил масштаб, он нарисовал круг и стрелки внутрь.

Потом зачеркнул.

Потом, судя по нажиму карандаша, долго водил по зачёркнутому месту, пока бумага не стала почти чёрной.

3. Бобровская папка

Когда я дошёл до третьей тетради, библиотекарь принесла мне чай в пластиковом стаканчике. Я не просил. Она поставила его на край стола и сказала:

- Вы бледный.
- Нормально.
- С этими материалами все сначала говорят нормально.

Я посмотрел на неё. Она не улыбалась.

- Их кто-то ещё читал?

- Были запросы.

- От кого?

- Разные. Краеведы. Один молодой человек лет пять назад. Искал Бобровку. Не вашу папку, другую. Но потом почему-то просил эту.

- Что за другая?

Она помедлила.

- Там угольные выработки. Старые рассказы. Маслово, Мочалка, Бобровка. Ничего официального.

Сказала она это так, будто "ничего официального" было не успокоением, а диагнозом.

В деле Т 17 действительно лежала тонкая вкладка с пометкой "Бобровка". Всего три листа. Копия какого-то письма без начала, обрывок схемы и фотография молодой бригады на фоне буровой. На обороте фотографии дед написал: "Не смешивать материалы. Сходство внешнее".

Каким было это сходство, в папке не объяснялось.

На обрывке схемы я увидел знакомый знак. Круг. Стрелки внутрь. Но здесь он был выведен не один раз, а много. Поля листа были исписаны им, как школьная тетрадь одним и тем же словом во время скучного урока.

Я поймал себя на том, что указательным пальцем веду по столу окружность.

Остановился.

Сжал руку в кулак.

Чай остыл, хотя прошло не больше минуты.

В полевом журнале Ерёмин впервые упомянул Бобровку 17 июня.

"Жуков провёл аналогию с Бобровским случаем. Считаю аналогию преждевременной и вредной. Там имели место газ, молодые угли, ошибки бурения и дисциплины. Здесь - кристаллическое основание, зона дробления, иная природа материала. Тем не менее рисунок в полях карты совпадает".

Ниже:

"Я не помню, чтобы рисовал его".

Это была первая фраза, в которой дед говорил не как начальник партии, а как человек.

В тот же день они дошли до Винного. По словам Мальцева, село показалось ему "обыкновенным до обиды": заборы, собаки, женщина у колонки, мальчишка на велосипеде, запах дыма и варёной картошки. Геологам дали молока. Старик по фамилии Шаповалов, бывший лесник, показал им дорогу на старую тропу к Весёлому и спросил, не они ли "тогда камень будили".

Ерёмин записал разговор отдельно.

- Какой камень?

- Который без тени.

- Где?

- А где найдёте, там и будет.

- Кто его будил?

- Ваши. С железом ходили, землю щупали. Потом один всё к небу глядел.

- Когда это было?

- До войны. Или после. Какая разница? Тут годы не держатся.

Савельева, по словам Ерёмина, попросила старика не "морочить студента". Старик посмотрел на неё и сказал:

- Девка, студент у вас не самый младший.

После этого Малыцев до вечера молчал.

В отчёт разговор не вошёл.

4. Шлиф

Первые шлифы Савельева приготовила в полевой лаборатории, если это можно было назвать лабораторией: стол, лампа, ящик реактивов, переносной микроскоп, спиртовка, тряпка, которой никто не хотел пользоваться, потому что она пахла керосином и мышами.

Т 3 дал странную картину.

Ерёмин описал её так:

"Основная масса: кварц, полевой шпат, хлоритизированные участки, серицит. Катаклаз. Наблюдаются тёмные включения неправильной формы, размером от 0,2 до 1,7 мм. Границы включений нерезкие, но контакт с окружающей массой не реакционный. Ореола изменения нет. При повороте столика оптическое поведение не определяется. В проходящем свете - отсутствие картины".

Я не геолог. Для меня эти слова сначала были почти непроницаемы. Но последняя фраза зацепила.

Отсутствие картины.

Не "тёмное", не "непрозрачное", не "не удалось определить". Именно отсутствие.

В тетради Савельевой, которая велась куда свободнее, было написано:

"Чёрные включения не выглядят как вещество. Это звучит безграмотно, но иначе не могу. Под микроскопом кажется, что смотришь не на объект, а на дырку в праве объекта быть видимым".

Дальше зачёркнуто.

Потом снова:

"Вокруг каждого включения зёрна ориентированы к центру. Не давление. Не рост. Не метасоматоз. Как будто порода всю жизнь падала туда, но не успела".

Ещё ниже, уже другим нажимом:

"Сегодня рисовала этот чёртов знак на фильтровальной бумаге. Заметила только когда Жуков спросил, зачем я черчу схему напряжений. Я не чертила".

Вечером они спорили.

- Если это не руда, не уголь, не стекло, не органика, тогда что? - спросил Жуков.

- Не знаю, - сказала Савельева.

- Хороший научный ответ.

- Лучший из возможных.

- Может, метеоритное?

Ерёмин, судя по записи Мальцева, резко поднял голову.

- Почему ты сказал метеоритное?

- Потому что сверху падает всякое.

- Это не сверху.

- Тогда снизу?

Ерёмин долго молчал. Потом сказал:

- Неправильный вопрос.

Позже, уже ночью, он записал в личной тетради:

"Земная геология предполагает направление: сверху вниз, снизу вверх, древнее под молодым, молодое над древним, вторичное по первичному. Здесь направление не читается. Включения не лежат в породе. Порода лежит вокруг них, как железные опилки вокруг магнита, если бы магнит был не телом, а отсутствием тела".

После этой записи на полях снова появился знак.

Круг.

Стрелки внутрь.

На этот раз дед не зачеркнул его.

5. Весёлое

Озеро Весёлое в дневнике Мальцева описано лучше, чем во всех официальных бумагах вместе взятых. Он был молод и ещё не стеснялся замечать красивое.

"Вода серая, но если смотреть долго, в ней появляется зелень. Берега тихие. Каюмов сказал, что название неправильное, потому что весёлые места так себя не ведут. Жуков ответил, что как раз весёлые и ведут, просто у них похмелье. Все смеялись, кроме Н. А."

Смех в этих тетрадах важен. Он показывает, что люди ещё сопротивлялись. Ужас не приходит сразу с музыкой и громом. Он сперва входит в паузы между обычными шутками.

У Весёлого они взяли пробы из второго выхода. Там тёмных включений оказалось больше. Они шли не жилой, не линзой, не прослойкой. Их распределение не подчинялось ничему понятному. Савельева сказала, что такое ощущение, будто кто-то брызнул чернилами в камень до того, как камень стал камнем.

- Только не пиши это, - сказал Ерёмин.
- Я и не собиралась.
- А что напишешь?
- "Характер распределения включений требует уточнения".
- Вот за это я тебя и уважаю.

Каюмов тем временем отказался ехать дальше к Топихе до утра. Машина, по его словам, "не хотела". На вопрос, как машина может хотеть, он показал на приборную панель: стрелка топлива мелко дрожала, хотя двигатель был заглушен.

- Контакт, - сказал Жуков.
- Сам ты контакт, - сказал Каюмов. - Я эту машину с закрытыми глазами соберу. Она боится.

Ерёмин приказал разбить лагерь.

Ночью Мальцев проснулся от того, что кто-то шептал за палаткой. Он решил, что это Жуков. Потом понял, что голосов много. Они говорили не словами, а как будто перечисляли расстояния. Очень большие расстояния. Такие, в которых звук должен был умереть задолго до того, как стать слышным.

Он вылез наружу. У костра сидел Ерёмин в свитере, наброшенном поверх рубахи, и смотрел вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.